

УДК 340

**РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ:
К ВЫХОДУ МОНОГРАФИИ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА РАН
А.Н. САВЕНКОВА «ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И СТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ»**

© 2024 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 08.08.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена выходу в свет монографии члена-корреспондента РАН, директора Института государства и права Российской академии наук А.Н. Савенкова «Философия права и становление российского государства-цивилизации». В отечественной научной литературе это первое исследование, где предпринимается попытка показать национальное правосознание (в форме философии права) и российскую государственность как единый неразделимый синтез, как органическую духовно-практическую целостность. Главная особенность книги – рассмотрение русской философии права как феномена национального правосознания, как духовное ядро российской государственности. В монографии показана широкая панорама русской и европейской истории, борьба и взаимовлияние идей, ценностей, концепций и школ. В статье раскрываются подходы автора, касающиеся формирования идеологии современного Российского государства на основе идейного наследия русской философии права.

Ключевые слова: А.Н. Савенков, юридическая наука, русская философия, русская философия права, русская история, российская государственность, Россия, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Цитирование: Жуков В.Н. Русская философия права и исторические задачи России: к выходу монографии члена-корреспондента РАН А.Н. Савенкова «Философия права и становление российского государства-цивилизации» // Государство и право. 2024. № 8. С. 26–40.

DOI: 10.31857/S1026945224080033

**RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW
AND THE HISTORICAL TASKS OF RUSSIA:
TO THE PUBLICATION OF THE MONOGRAPH OF CORRESPONDING
MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
A.N. SAVENKOV “PHILOSOPHY OF LAW AND THE FORMATION
OF THE RUSSIAN STATE-CIVILIZATION”**

© 2024 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 08.08.2024

Abstract. The article is devoted to the publication of a monograph by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences A.N. Savenkov “Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization”. In the Russian scientific literature, this is the first study where an attempt is made to show national legal consciousness (in the form of Philosophy of Law) and Russian statehood as a single inseparable synthesis, as an organic spiritual and practical integrity. The main feature of the book is the consideration of the Russian Philosophy of Law as a phenomenon of national legal consciousness, as the spiritual core of Russian statehood. The monograph shows a wide panorama of Russian and European history, the struggle and the interaction of ideas, values, concepts and schools. The article reveals the author’s approaches concerning the formation of the ideology of the modern Russian state based on the ideological heritage of the Russian Philosophy of Law.

Key words: A.N. Savenkov, legal science, Russian philosophy, Russian Philosophy of Law, Russian history, Russian statehood, Russia, Strategy of national security of the Russian Federation.

For citation: Zhukov, V.N. (2024). Russian Philosophy of Law and the historical tasks of Russia: to the publication of the monograph of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences A.N. Savenkov “Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 26–40.

А.Н. САВЕНКОВ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА
И СТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА-
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вышла в свет монография¹ известного ученого-правоведа и государственного деятеля, члена-корреспондента РАН, директора Института государства и права Российской академии наук Александра Николаевича Савенкова. Книга посвящена государственности России, ее философскому осмыслению. Здесь важно понимать, кто пишет эту книгу. Автор – государственный и патриот

России, долгие годы работавший в правоохранительной системе (был заместителем Генерального

прокурора РФ – Главным военным прокурором, первым заместителем Министра юстиции РФ, заместителем Министра внутренних дел РФ – начальником Следственного департамента), по долгу службы занимавшийся укреплением российского государства и знающий положение дел в этой сфере глубоко и детально. Придя в Институт государства и права РАН, А.Н. Савенков сделал философские исследования государства и права, российской государственности приоритетными (были организованы сектор философии права и междисциплинарный Центр философско-правовых исследований). В этом смысле выход книги – закономерный итог многолетней научной и практической деятельности автора.

Актуальность вышедшей монографии трудно переоценить. В свое время появление Советского государства было воспринято как грандиозный вызов всему западному миру. Появляются (особенно после Второй мировой войны) многочисленные советологические центры, ставившие своей целью изучение

¹ См.: Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М.: Наука, 2024. – 735 с.

России и разработку рекомендаций по ослаблению и демонтажу советской системы. Основным предметом внимания становится коммунистическая идеология в форме советского марксизма. После распада СССР опасность коммунистической идеологии, казалось бы, ушла в прошлое, страны Запада могли бы снизить свою подрывную активность. Но начиная с 2000-х годов Россия стала укрепляться в политическом, экономическом и военном отношении. Основой этого процесса стали императивы русского национального сознания и правосознания, ценности, выработанные в ходе тысячелетнего развития российской государственности и культуры. Опыт бывших советологических центров стал снова востребован, подрывная деятельность стран Запада возобновилась с новой силой, но предмет их атаки выбран теперь другой — это русская национальная культура, ее традиционные ценности, нормы и институты, императивы ее высокой духовности. По существу, под ударом оказалась государственность России — высшая ценность многонационального российского народа. В условиях оголтелой русофобии, развязанной странами Запада, тема мировоззренческих и культурно-исторических оснований российской государственности становится подлинным фронтом идеологической борьбы. Перед нашей обществоведческой наукой в полный рост встала задача противостоять идеологическим диверсиям, ставящим под сомнение само существование российской государственности, а с ней — историческое бытие нашей нации и культуры. В этом контексте книга А. Н. Савенкова вносит свой достойный вклад.

Помимо большой политико-идеологической значимости монография А. Н. Савенкова является блестящим научным трудом, ставшим крупным событием нашей академической жизни. В дореволюционной России, русской эмиграции, в советский период были созданы выдающиеся произведения, посвященные истории русской философии, но, к сожалению, еще не было исследований по русской философии права, равных им по уровню и глубине обобщения. В постсоветский период русская философия права перемещается с периферии научной жизни в ее центр: активно пишутся диссертации, публикуются сотни статей и монографий, проводятся многочисленные конференции. Юристы, философы, социологи, политологи, историки обращаются к источникам по идеалистической и религиозной философии права, ранее находившимся по большей части под запретом. Вместе с тем обобщающих трудов, где системно и полно была бы представлена вся русская философия права, почти нет. Это, конечно, заметный пробел наших обществоведческих наук, и прежде всего юридической науки. На этом фоне монография А. Н. Савенкова смотрится как одна из первых и весьма успешных попыток подойти

к изучению русской философско-правовой мысли системно, многопланово, с учетом разных теоретико-методологических подходов, с опорой на достигнутые научные результаты. Главная особенность книги — рассмотрение русской философии права как феномена национального правосознания, как духовное ядро российской государственности. Для автора русская политико-правовая мысль — не просто совокупность источников, живущих своей автономной жизнью, это система идеологем и ценностных установок, пронизывающих государственность российского народа. В отечественной научной литературе это первое исследование, где предпринимается попытка показать национальное правосознание (в форме философии права) и российскую государственность как единый неразделимый синтез, как органическую духовно-практическую целостность. Именно эта особенность определяет видное место (и сейчас, и в будущем) монографии А. Н. Савенкова в российской науке.

Издание подготовлено в рамках научного проекта Института государства и права «Создание российской историографической модели политико-правовых учений и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России». Труд весьма объемный (54,5 п. л.), включает в себя пять разделов, названия которых говорят сами за себя: «О философии истории и истории русской философии права: единство нравственной, религиозной, политико-правовой и культурной составляющих», «История и философия формирования российской государственности», «Национальное политико-правовое развитие и основные идеи философии права в России», «Цивилизационные черты русской философии права: из истории политико-правовых учений», «Историко-философские очерки развития права в Западной Европе». Исследование опирается на огромный научный аппарат, насчитывающий свыше тысячи источников на русском и европейских языках. Автор добывается до весьма редких, малоизвестных источников, касающихся самых разных сторон обсуждаемой темы, что говорит о его широчайшей эрудиции. Поднимаемые проблемы рассматриваются в контексте мировой истории, в сравнении с политико-правовой государственностью и мыслью стран Запада. А. Н. Савенков отмечает: «В своей работе мы подвергаем проблемно-теоретическому и сравнительному анализу самые разные источники философии-правовой, теологической, богословской, исторической, литературной, политической, государственной и военной мысли разных народов и многочисленных авторов. Все они отражают дух своей эпохи, определенную научную или религиозную школу, национальную

идентичность; личный опыт, социальное положение, круг общения и субъективное восприятие действительности авторами трудов. Каждый из них обладает даром творчества: это и глубокий исследователь, и неутомимый эмпирик или дотошный теоретик, и педантичный хроникер, талантливый аналитик, прагматичный футуролог, яркий публицист, государственный или общественный деятель» (с. 27).

Книга носит энциклопедический характер. На ее страницах разворачивается широкая панорама русской и европейской истории, борьба и взаимовлияние идей, ценностей, концепций и школ. «Предлагаемый в настоящем исследовании подход, ориентированный на освещение ключевых вех и некоторых оригинальных концепций в русской и зарубежной литературе, позволяет рассмотреть и сравнить очевидную взаимосвязь русской философии права с западно-европейской научной мыслью и вместе с тем показать исключительные и по своему уникальные черты русской жизни и культуры, оказавшие влияние на развитие общеправовых идей» (с. 34). Широко используется сравнительный анализ с целью выявить общее и особенное в русской и европейской философии права, четко показать цивилизационные контуры и векторы развития разных направлений.

Философия права – междисциплинарная отрасль знаний, ее предмет и методы исследований – область дискуссий. Философию права можно понимать в широком и узком смысле. В широком смысле философия права – это вся мировая философско-правовая мысль, ее история во всем многообразии, начиная с древнейших времен. В узком смысле философия права представляет собой академическую дисциплину, которую начинают читать в европейских университетах в эпоху Просвещения. Академическую философию права также можно поделить (хотя и очень условно) на две разновидности: метафизическую и юридико-догматическую. Под метафизикой в данном случае понимается философия, в основе которой лежат ценностные установки, берущиеся на веру, без доказательств. Формально доказательства могут быть представлены (например, в теории идей Платона), но их содержание указывает, что в их основе лежит не логика фактов и аргументов, а приверженность определенным мировоззренческим ориентирам. Платон – объективный идеалист не в силу убедительных доказательств (таковых нет и не может быть), а потому что его психология и интеллект нацелены на поиск и принятие ценностей вечной жизни и личного бессмертия. Идеализм и материализм, вера в Бога и атеизм являются метафизикой потому, что доказать базовые посылы этих подходов не представляется возможным, их можно брать только на веру. Так, тезисы

Маркса о первичности бытия и производности сознания, его концепция коммунизма есть, конечно, чистая метафизика, берущаяся без доказательств. Строго говоря, метафизика – это и есть подлинная философия, т.е. совокупность положений, отражающих ценностные установки людей. Метафизическая философия возникает как рационализация ценностных установок, существующих в сознании человека и часто не осознаваемых им. Сами ценности формируются в процессе духовно-практического освоения мира и становятся твердой основой целенаправленной деятельности людей. Цель и задача метафизики – создать смысловые модели, способные стать такой основой. Соответственно, метафизическая философия права – это отрасль знания, где создаются смысловые модели, реализуемые в сфере политики, власти, государства и права. Именно в этом смысле можно утверждать, что философия права есть мировоззренческое ядро политических институтов народа, его государственности.

Метафизическая философия права достигает своего апогея в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. в лице Канта, Фихте и Гегеля. «Философия права» Гегеля (1821) стала своеобразным эталоном (по структуре, содержанию и стилистике) для последующих поколений философов. Особенность философии права Гегеля – предельно широкая трактовка ее предмета: это – и гносеология, и онтология, и философия истории, и философия политики, и философская антропология, и этика, и экономика, и собственно философия права. Философия права Гегеля – это типичный набор смысловых моделей в области политики, власти, государства и права, выработанных в среде политического класса Пруссии, это смысловые модели его государственной культуры.

В XIX в. философия права постепенно переходит от философов к юристам, что предопределило перерождение метафизической философии права в юридико-догматическую (т.н. аналитическую философию права, или юридический позитивизм). В Англии ключевую роль в этом процессе сыграл Дж. Остин, его труд «Лекции о юриспруденции, или Философия позитивного права» (опубликован в 1863 г.), внимание к которому было привлечено лишь в конце XIX в. В Германии переход к юридико-догматической философии права был бурным и массовым, что в значительной мере было обусловлено политическими причинами. Немецкие юристы (начиная с Р. Молля), стремясь как-то ограничить прусскую монархию, начали встраивать ее в категории публичного права. Таким образом, военно-государственный дух пруссачества был ограничен концепцией правового государства. В данном случае термин «правовое» означал, что государство рассматривалось

как юридическая конструкция, закреплённая в позитивном праве. Речь о правах человека как цели государства здесь ещё не шла. Вообще, публичное право — это и есть зафиксированное в юридических категориях государство, порядок его образования, структура и компетенция органов. В немецкой юридической науке философия права свелась к анализу юридических текстов, причём без всякой опоры на позитивизм О. Конта (его в Германии почти не знали). Для немецкого юриста философский анализ государства и права означал исследование юридического текста с помощью догматического метода (основной в отраслевой юридической науке) на основе законов формальной логики.

Как представляется, А. Н. Савенков понимает философию права предельно широко, как совокупность смысловых моделей, лежащих в основе политико-правовых явлений. «События и процессы, происходящие в современном мире, в том числе в интеллектуальной среде, убедительно показывают, что настало время повернуть философию права к новым исследовательским горизонтам, наполнить ее новым содержанием. Подлинная философия права — это поиск смысла в сфере, связанной с государством и правом, создание универсалий, отражающих цивилизационные вызовы современной эпохи. Поскольку роль государства и права все более усиливается, поскольку человечество все в большей мере зависит от политики национальных государств, поскольку в современном мире резко возрастают риски, связанные с их деятельностью, растёт необходимость философско-правового анализа всех этих процессов. В данных условиях философия права должна использовать весь инструментарий, накопленный мировой философией в области онтологии, гносеологии, этики, эстетики, философской антропологии, философии истории, философии техники, философии природы, философии науки, философии языка, философии культуры, философии религии. Только обогатившись всем этим знанием, философия права способна стать мощным познавательным средством политико-правовой реальности, являющейся неотъемлемой частью глобальных процессов современности. Философия права в современных условиях стремительно меняющегося мира обладает широкими возможностями для оценки и интерпретации государственной и правовой политики, поскольку право, как социальный феномен и регулятор поведения, всегда погружено в цивилизационный контекст эпохи» (с. 309).

Подражая Гегелю, многие современные авторы видят специфику немецкого классика в том, чтобы уходить в туманные абстракции, бесконечно далекие от жизни, но взамен этого, с их точки зрения, получить рафинированную, предельно обобщённую философскую истину. Такая установка идет

от неверного понимания Гегеля, который, напротив, в своей «Философии права» поставил перед собой задачу рассмотреть реально существующие государство и право. Более того, в этом своём стремлении он пошел так далеко, что местами свел философский анализ к апологетике прусских порядков. В его интерпретации идея свободы, например, находит своё полное и окончательное воплощение в прусской монархии под руководством Фридриха-Вильгельма III, который выдвинул лицемерную формулу «конституционной монархии без конституции».

По убеждению А. Н. Савенкова, философия права призвана обращаться к существующей реальности, к ее насущным практическим проблемам, а не гоняться за философскими миражами. Сегодня перед философией права, утверждает он, «стоят совершенно иного объема задачи, вызовы и насущные проблемы. Однако при этом в области философии права, важнейшей части фундаментальных всеобщих знаний о праве и государстве, в основном воспроизводятся давно устаревшие требования к ее предмету, требуя, как правило, “чистого”, отвлеченного познания. Такой подход в настоящее время в корне устарел, так как в мире и в национальных правопорядках происходят события и процессы, меняющие облик всего мирового порядка, выдвигающие новые требования и ставящие новые комплексные задачи. И если философия права желает быть актуальной для современного этапа общественного развития, то она по необходимости должна фиксировать существующие проблемы, осмысливать причины изменений, перспективы развития, предлагать свои решения, исходя, прежде всего, из накопленного человечеством опыта» (с. 26). В подтверждение данного подхода следует вспомнить выдающегося методолога и философа науки К. Поппера, который подчеркивал: только та философия переживает своего создателя, которая нацелена на решение фундаментальных задач человеческого бытия.

К несомненным заслугам А. Н. Савенкова следует отнести тот факт, что он и в данной монографии, и в своей деятельности на посту директора Института государства и права РАН стремится обосновать высокий академический статус философии права, показать ее интегрирующую роль в юридической науке и обществоведении в целом. К сожалению, подавляющее большинство наших современных юристов встретили возвращение после долгого перерыва философии права либо равнодушно (отраслевиками), либо враждебно (это в основном специалисты по общей теории права, они увидели в ней конкурента), только на словах признавая важность данной дисциплины. При советской власти философию права рассматривали как дисциплину, несущую идеализм и религию, а потому

враждебную марксизму и «делу коммунистического строительства». Философия права была преобразована и растворена в социальной философии марксизма и «марксистско-ленинской общей теории государства и права». Только в 1970-х годах благодаря работам Д.А. Керимова философия права робко возвращается в нашу академическую среду в виде «философских проблем общей теории права»². Философия права в том или ином виде существовала в форме истории политических и правовых учений, где выделялись работы В.А. Туманова, В.С. Нерсесянца, В.Д. Зорькина, Л.С. Мамута³. В 90-е годы, когда пала советская власть и ушел идеологический диктат, появляется «Философия права» В.С. Нерсесянца с его знаменитой либертарно-юридической теорией. Следует отметить, что во многом благодаря его усилиям философия права пробивается не только в академическую среду, но и в юридическое образование. При учреждении магистратуры философия права вводится государственным образовательным стандартом.

Вместе с тем нельзя не замечать печальный факт: философия права возвратилась к нам в форме юрико-догматической, а не метафизической философии права. Поскольку ее возрождали юристы, мышление которых пронизано юридической догмой, она является разновидностью общей теории права. Нашим юристам ближе не Кант или Гегель, а Кельзен и Харт. Либертарно-юридическая теория, например, есть также разновидность юридического позитивизма (сущность права есть его форма, выраженная в единстве свободы, равенства и справедливости). В современной отечественной философии права, как правило, отсутствует мировоззренческий (смысловой) компонент, метафизика глубоко чужда нашим юристам, занимающимся философией права. В этом отношении современная философия права разительно отличается от досоветской философии права, которая была главным образом метафизической. Юристы Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин и многие другие показали себя блестящими философами, продолжая лучшие традиции европейской метафизики.

В отличие, например, от философии, характеризующейся высоким уровнем гомогенности (все ее разделы тесно связаны и объединяются вокруг истории философии), юридическая наука

разнородна, в ней нет такого единства. Она разделяется как минимум на три группы дисциплин, обладающих своими специфическими свойствами: 1) догматическая юриспруденция; 2) фундаментальная юридическая наука; 3) специальные юридические науки.

Главное свойство догматической юриспруденции — это изучение и разработка юридической догмы, под которой понимаются юридические нормы, принципы, конструкции, понятия. Отраслевая юридическая наука имеет ярко выраженную практическую направленность. Догматическая юриспруденция стоит далеко не только от естествознания (открывает законы природного мира), но и от социальной науки (описывает феномены культуры). Отраслевая юридическая наука, изучая позитивное право, имеет дело с реальностью особого рода — миром должного, определяемого волей суверена и объективными условиями человеческой жизни. Догматическая юриспруденция принципиально отличается от других наук своим представлением об истине. Если цель естествознания и обществоведения — установление объективных свойств объектов окружающего мира и законов их существования, то задача отраслевой юридической науки — создать юридические конструкции, эффективно регулирующие общественные отношения. Истина в догматической юриспруденции — не соответствие знаний окружающей действительности (как в классической науке), а установление факта непротиворечивости норм, их действенности и эффективности. Ведущий метод отраслевой юриспруденции — догматический, его избрание предопределено предметом исследования — позитивным правом. Именно догматический метод довершает наше представление об отраслевой юридической науке, с определенностью указывая на ее специфику.

Фундаментальная юридическая наука сложилась в континентальной Европе и России в XIX — начале XX в. в составе: философия права, история философии права, энциклопедия права, история государства и права, общая теория права и государства, сравнительное правоведение, политика права, социология права. Фундаментальной ее называют не потому, что она является базой догматической юриспруденции, а вследствие ее нацеленности на изучение государства и права как явлений культуры. Прикладная и фундаментальная юридические науки имели по большей части разные культурно-исторические корни, разные причины и основы возникновения. Если догматика права появляется как ответ на запросы практики, как инструмент, влияющий на правовое регулирование, то основа фундаментальной науки — потребность в познании.

² Философские проблемы государства и права: сб. ст. / под ред. Д.А. Керимова и Л.С. Явича. М., 1970; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.

³ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971; Нерсесянец В.С. Гегелевская философия права: история и современность. М., 1974; Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978; Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989.

К специальным юридическим наукам обычно относят: криминалистику, криминологию, юридическую психологию, судебную медицину, судебную психиатрию, судебную бухгалтерию. Особенность этих наук та, что они складываются из двух неравных частей: знаний специальных, неюридических наук и юридических наук. Доминирует в специальных юридических науках неюридическое знание, которое либо в силу закона, либо в силу своей отраслевой принадлежности приобретает то или иное юридическое значение.

Все три группы юридических наук объединяются не непосредственно, а опосредованно благодаря трем вещам: юридической практике, образовательному процессу и понятийному аппарату. Собственно, как науки они далеки друг от друга. Задача философии права, о чем, в частности, говорит А.Н. Савенков в своей монографии, состоит в том, чтобы показать специфику юридических наук и их противоречивое единство. За последние годы появилось немало работ, написанных отраслевиками, попытавшихся связать свою отраслевую дисциплину (международное право, уголовное, конституционное) с философией, что в основном выглядит как неудача. Еще Г.Ф. Шершеневич в начале XX в. указывал на разрушительные последствия внедрения философии и социологии в юридическую догму. Поскольку философия — это набор ценностных и политико-идеологических смысловых моделей, она будет ломать юридическую догму, принципиально нейтральную в ценностном и политическом отношении и основанную на формальной логике. Правоприменитель только во вторую и третью очередь будет руководствоваться господствующим правосознанием, его первая и главная задача — произвести юридическую квалификацию, проверить фактическое поведение человека на предмет его совпадения с нормой, установленной сувереном. Это задача чисто формальная, юридико-техническая, морального (мировоззренческого) или политического выбора здесь нет. Философия (философия права) имеет значение для отраслевой юридической науки в другом отношении: она указывает на базовые ценности, из которых позитивное право вырастает и которые оно защищает. Юридическая догма хотя и строится на формальной логике без всякой связи с какой-либо философией, в конечном счете пронизана системой ценностей той социальной среды, где юридическая догма вырабатывается. Эмпирические условия жизни рождают ценности, которыми люди руководствуются в своем поведении, юридические нормы становятся средством защиты этих ценностей. Роль юридической догмы — инструментальная, подчиненная ценностным императивам. Вот это знание, получаемое философией права, и выполняет интегрирующую роль в юридической науке.

А.Н. Савенков в своей монографии ставит несколько творческих и идеологических задач: 1) раскрыть оригинальность, самобытность русской философии права, ее высокую непреходящую ценность для нашей страны и мировой культуры; 2) показать русскую философию права как духовное ядро российской государственности, доказать их неразрывное единство; 3) показать русскую философию и философию права как основу идентичности нашей национальной культуры и государственности; 4) обосновать концепцию русской культуры и государственности как самостоятельной, самодостаточной цивилизации. Многоаспектная задача потребовала провести философский анализ истории, культуры и государственности России на всем протяжении ее существования.

Государственность России — уникальный, выдающийся феномен, поражающий любого исследователя своим величием. Можно по-разному относиться к нашей стране и ее истории, но факт ее грандиозности отрицать невозможно. С XVIII в. Россия — одна из крупнейших держав Европы, с позицией которой вынуждены считаться ее соседи, в XX в. она становится сверхдержавой, подчинившей своему влиянию половину мира и противостоящей всему Западу. В эпоху Московского царства Россия начинает формироваться как империя, т.е. государство, претендующее на ведущую роль в мировой истории и включающее в сферу своего влияния другие нации и народы. Как писал русский монархист и консерватор И.Л. Солоневич, экстенсивное расширение Российского государства было вызвано сильнейшим государственным инстинктом русского народа. Человеческая история, полагает он, не имеет никаких законов, каждый народ (особенно великий) находит свой неповторимый путь развития. Однако одна, но главная закономерность (не историческая, а биологическая) есть: все нации стремятся создать свою культуру, государственность и, наконец, империю. Если нации этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут. Основой созидательных сил народа Солоневич считает инстинкты, а биологию и психологию — «твердыми опорными точками для всякого исследования об обществе». Ни экономика, ни религия, ни климатические и географические условия, а инстинкты рождают социальные формы (семью, нацию, государство). Нация — это единый биологический организм, «сверхиндивидуальное целое», развивающееся по законам отдельного человека. Если индивид, подчиняясь инстинктам продолжения рода, создает семью и накапливает ценности для своего потомства, то и нация поступает таким же образом. Конкретный народ, живя благодаря труду предшествующих поколений, в свою очередь, сам, отказывая себе, заботится прежде всего о будущих

поколениях. Инстинкты в нации могут ослабляться и усиливаться. В первом случае народ оказывается на краю гибели и заканчивает свою историю, во втором — он копит силы и территорию для неродившихся еще поколений. Цель жизни нации определяется не разумом, а инстинктом, соответственно, единственной задачей разума является «вооружение древнего инстинкта самыми современными оружием борьбы за жизнь».

Идея великодержавия — это наиболее глубокий и стойкий ценностный императив русского национального сознания и правосознания. Невозможно представить себе русского человека, пронизанного русской культурой и не ощущающего себя органической частью грандиозного тела российской государственности. Для русского человека его государственность — это он сам. Многовековая история неоднократно доказала, что русские сражаются за свое государство как за самих себя, потому что Российское государство — это и есть они сами, их существо, предмет их гордости и достоинства. Особенность русской политической культуры состоит в том, что наш народ готов заплатить любую цену за независимость и величие своей Родины. Консервативный либерал П. Б. Струве очень хорошо понимал это свойство русского политического сознания. В сборнике «Вехи» (1909) он противопоставил «здоровое государственное сознание» «государственному отщепенству» русской интеллигенции, готовой пожертвовать государственностью России ради абстрактной политической утопии (либеральной, социалистической или анархистской). В условиях Первой русской революции, активного влияния правых и левых радикалов Струве в своей программной статье «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908) провозгласил идею «революции во имя государства». Национальной идеей России, убеждал он, должно было стать дело примирения власти и «проснувшегося к самостоятельности народа», государство и нация должны органически срастись. «Только государство и его мощь, — отмечает Струве, — могут быть для настоящих патриотов истинной путеводной звездой. Остальное — “блуждающие огни”»⁴. «Можно как угодно разлагать государство на атомы и собирать его из атомов, можно объявить его “отношением” или системой “отношений”. Это не уничтожит того факта, что психологически всякое сложившееся государство есть как бы некая личность, у которого есть свой верховный закон бытия. Для государства этот верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически “самодержавное” или “суверенное”, но и фактически

самим собой держащееся, государство желает быть могущественным. А быть могущественным — значит обладать непременно “внешней” мощью. Ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (*de facto*) добычей для государства сильного»⁵.

Вот как описывает становление русской государственности А. Н. Савенков: «Не имея естественных границ за исключением Северного Ледовитого и Тихого океанов, Россия была в состоянии использовать этот импульс в течение веков, шагая последовательно в Центральную Азию, потом на Кавказ, в Восточную Европу, Скандинавию, к Балтийскому морю, затем к Тихому океану, к границам с Китаем и Японией. И в какое-то время в XVIII—XIX веках она пересекла даже Тихий океан — на Аляске и в Калифорнии, создав там поселения... Россия расширялась каждый год на размер территории больше, чем территории многих европейских государств. Когда она была сильной, она вела себя, доминируя, как сверхдержава, и настаивала на проявлении формального признания для защиты своего статуса. Когда она была слаба, она маскировала свою уязвимость через обращение к огромному внутреннему резерву силы. В каждом случае это был особый вызов западным столицам, который использовался в более мягком стиле. В то же время российские устрашающие достижения и экспансии происходили от демографических и экономических условий, которые по западным стандартам не менялись. Многие регионы едва были заселены и казались нетронутыми современной культурой и технологиями. Таким образом, завоевывающий территорию империалист соединился с парадоксальным чувством уязвимости, как будто маршировал через мир, имея большой потенциал перед врагом через дополнительную безопасность. Царская империя расширялась, потому что было легче идти, чем остановиться. В этом контексте отчетливо была выдвинута русская концепция политической легитимности. В то время как европейский Ренессанс заново открыл классические гуманистические ценности прошлого и изысканные новые концепции индивидуализма и свободы, Россия искала возрождение своей неиспорченной веры и соответствие единой высшей несанкционированной свыше власти во всех направлениях. Царь, как живая икона Бога, чья власть и чьи приказы были непоколебимы и внутренне справедливы. Он рассматривался как воплощение защиты России против врагов, окружающих ее со всех сторон» (с. 270, 271).

⁴ Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 61.

⁵ Там же. С. 51.

Отмечается принципиальное отличие в становлении российского имперского государства от западных империй: «В то время, когда европейские великие морские державы поражали мир своей жестокостью, человеконенавистничеством и кровожадностью, беззастенчиво пользуясь техническим превосходством в вооружении, устраивали охоту на людей в Гвинее, Анголе и других регионах Африки, принимали рабовладельческие законы и обсуждали в парламентах проблему высокой смертности матросов на невольничьих кораблях, истребляли сотнями тысяч коренное население завоеванных территорий и торговали людьми так, как не допускали для себя даже античные рабовладельцы; Россия прошла свой путь от Москвы и Санкт-Петербурга до Чукотки и Аляски, выйдя к Тихому океану, без зверств и колонизации народов, без единого случая работорговли, а напротив, создавая условия для развития этносов, привнося культуру, медицину и образование. Уникальный исторический феномен состоит в том, что одна из немногих не раскаявшихся в геноциде целых народов и массовой работорговле, завершившейся менее 200 лет назад, гордящаяся своими пиратами-адмиралами Англия, а впоследствии Великобритания, взяла на себя лидерство в борьбе за права человека в современном мире» (с. 272).

Действительно, автор прав в том, что русские создали империю, удивительно гибкую по своему политико-территориальному устройству: в ней смогли ужиться и мирно сосуществовать свыше сотни народов, не утратив своей культурной самобытности (Финляндия и Царство Польское, политико-территориальные образования Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии и Дальнего Востока). И это была унитарная Россия! Без всякой федерации удалось гармонично совместить централизм и единство государственного аппарата с уникальными культурно-историческими особенностями нерусских народов на всей обширной территории Российской Империи. На этом фоне национальная политика советской власти выглядела крайне искусственной и в конечном счете оказалась провальной: великая страна распалась. «Ленинская национальная политика» содержала в себе внутреннее противоречие: с одной стороны, реализация коммунистической идеологии, создание «новой исторической общности — советского народа», с другой — неумное строительство все новых союзных республик, мотивированное эгоизмом местных национальных элит. В 1922 г. СССР создали четыре республики, в 1991 г. его же похоронили уже 15 республик. Центральная власть создавала республики (фактически государства) этносам, ранее не имевшим своей государственности, прирезая им территории, никогда им не принадлежавшие. История последних десятилетий показала

всю, мягко говоря, странность, искусственность многих из этих политических образований, по недоразумению названных государствами. Великобритания, например, не ввела у себя федерацию, сохранив сложный, исторически сложившийся политико-территориальный уклад. Как представляется, она скорее введет военную диктатуру, чем позволит Шотландии или Северной Ирландии выйти из своего состава.

А.Н. Савенков ведет свои рассуждения в основном в рамках традиции русской консервативной мысли, что понятно и вполне оправдано. В первой трети XIX в. русская философия права начинает явственно делиться на три направления — либерализм, социализм, консерватизм, которые просуществуют во взаимной борьбе вплоть до 1917 г. После прихода к власти большевиков социализм (в форме советского марксизма) становится господствующим направлением в философии и обществоведении, либерализм и консерватизм продолжают свою жизнь в русской эмиграции.

Либерализм — идеология буржуазии, пришедшей к власти в Западной Европе в результате революций. Поскольку в России не было полностью сформировавшегося и осознавшего свои политические задачи класса промышленной и торговой буржуазии, либеральную идеологию развивали и отстаивали представители небуржуазных слоев: дворяне, государственные чиновники, университетская профессура, журналисты, литераторы, разночинная интеллигенция. Для русского либерализма характерны изначальный эклектизм и синкретизм, организационная и идейная слабость, неустойчивость и маргинальность, что подталкивало либеральное движение к союзу с монархией. На рубеже XIX—XX вв. либеральная мысль начинает вбирать в себя социалистические и консервативные компоненты, появляется левый (социалистический; либеральные народники, часть кадетов, меньшевики) и правый (консервативный; Б.Н. Чичерин, П.Б. Струве, С.Л. Франк) либерализм. В рамках консервативного либерализма сформировалась очень влиятельная школа возрожденного естественного права, к которой принадлежали выдающиеся юристы и философы (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.П. Вышеславцев, В.М. Гессен, С.И. Гессен, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, И.В. Михайловский, П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский, Ф.А. Степун, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, Г.П. Федотов, С.Л. Франк, А.С. Яценко и др.). Представители этой школы попытались совместить идею правового государства с культурно-историческими особенностями России (православие, монархизм, сильная имперская государственность). Террор против царской власти, организованный народниками и эсерами,

революция 1905 г. показали русской интеллигенции всю пагубность для российской государственности либеральных, социалистических и анархистских идей, взятых абстрактно, вне культурно-исторического контекста. Отсюда их установка на изучение и поиск национальной самобытности.

Социалистическая мысль у нас была представлена главным образом народниками (впоследствии эсерами), марксистами и отчасти анархистами. Теории западноевропейского социализма, попав в Россию, оказывались в чужеродной среде. Если в Европе конца XVIII – первой половины XIX в. идеи социализма возрастали на почве промышленного капитализма, то в России в это время были отсталая аграрная экономика, феодально-монархический строй, а подавляющее большинство населения – крестьянство. Вполне естественно, что русская мысль пыталась найти формы социализма, которые могли быть реализованы в тех исторических условиях. В итоге и «крестьянский социализм» народников, и русский марксизм, хотя и выражали в известной мере национальный характер (о чем писали, например, М.А. Бакунин и Н.А. Бердяев), остались грандиозными утопиями, оторванными от жизни. Советская власть рухнула именно по причине утопизма ее базовых принципов. Идеологи социализма (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин) оперировали по большей части категориями, далекими от русских архетипов. Лекала советского марксизма в конечном счете оказали пагубное воздействие на государственность России: распад 1991 г. повлек за собой утрату исторических территорий огромного размера, а русский народ стал разделенным.

Классический европейский консерватизм формируется в эпоху буржуазных революций и приобретает свой системный вид на рубеже XVIII–XIX вв., после Великой французской революции. Классические образцы европейского консерватизма дали Э. Бёрк (Англия), Ж. де Местр и Л.Г.А. де Бональд (Франция), К.Л. Галлер (Швейцария), противопоставив одностороннему рационализму, индивидуализму, социальному атомизму взгляд на общество и государство как на органическое целое, части которого объединены общей историей и культурой. Отвергнув концепции естественного права и общественного договора, согласно которым абстрактно взятый, «естественный» человек создает по априорным законам разума абстрактное, вненациональное и внеисторическое государство, они указали на конкретно-исторический характер социальных форм, на тесную связь человека с окружающей его социальной средой, признали традиции, обычаи, нравы, сложившиеся веками и освященные церковью, определяющими факторами жизни общества. Европейский консерватизм имел, конечно,

и классовую природу, так как объективно отражал интересы родовой аристократии, был в основном направлен на борьбу с буржуазией, на реставрацию институтов монархии и восстановление сословных привилегий.

Одно из первых проявлений русского консерватизма – церковный раскол. Начатый в XVII в. царской властью процесс европеизации России практически сразу привел к появлению мощной антизападной реакции. К этому времени в русской церкви (а значит, и в народе) созревает мысль, что православная Русь со всеми ее местными особенностями осталась единственной в мире обладательницей и хранительницей христианской истины. Староверы полагали, что Россия – уже центр православия, а значит, является великой державой, православный Восток и Европа не могут служить для русских образцом. Церковные реформы, в их понимании, принижали величие России. Церковный раскол указал на важнейшие императивы русского национального сознания, определившие вектор нашей государственности вплоть до настоящего времени: православный мессионизм и идея имперского государства.

Классический русский консерватизм XIX – начала XX в. включал в себя: антизападничество, верность православию, идею великодержавия, защиту абсолютизма, сословного строя и помещичьего землевладения, критику западной демократии, борьбу с революционным движением. Как и в Западной Европе, русский консерватизм отражал в том числе страх господствующих классов утратить свои привилегии. Вместе с тем именно консервативная мысль указала на подлинные императивы русского национального правосознания, на непреходящую ценность аутентичных национальных политических архетипов.

Теоретическую зрелость русский консерватизм приобретает в лице славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев и др.), которые призвали соотечественников отказаться от поверхностного подражания Западу и осознать себя русскими. В их рассуждениях было много утопизма (возвращение в домонгольскую Русь, концепция русской истории в форме параллельных линий государства и общины, приверженность анархическому идеалу русской общины), но в главном они оказались совершенно правы: историческое бытие русского народа обеспечивается не заимствованными, а собственными, национальными политическими формами.

Следующая веха русского консерватизма – творчество Н.Я. Данилевского, его концепция культурно-исторических типов. Суть концепции сводилась к нескольким положениям. Во-первых, единого человечества нет, это абстракция, высшая

человеческая единица — культурно-исторический тип, так как именно с ним, а не с абстрактным человечеством связан каждый конкретный человек. Во-вторых, нет никакого единого прогресса человечества, где народы как бы выстраивались в иерархию от низших к высшим; национальные культуры самодостаточны и равноправны. В-третьих, культурно-исторические типы цивилизаций уникальны, критерии совершенства, выработанные в рамках одного типа культуры, не могут быть применимы к другому типу. Смысл концепции состоял в том, чтобы поставить под сомнение универсализм стандартов западной либеральной демократии и направить усилия на выработку собственных аутентичных политических форм.

Завершающим этапом русского консерватизма стало учение евразийцев (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин, Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский), возникшее в среде русской эмиграции 20–30-х годов XX в. Их философия культуры, концепция русской истории, геополитика, политическая теория — все было направлено на развитие славянофильской идеи: поиск собственных политических форм с опорой на национальные культурно-исторические ценности. Именно их понятийный аппарат (Россия-Евразия, континент-океан, евразийская культура) господствует в современной отечественной политологии, а термин «Евразия» активно используется в названиях разных организаций (Евразийское экономическое сообщество и др.).

Таким образом, А. Н. Савенков совершенно прав, когда обращается по большей части к философии права русского консерватизма и консервативного либерализма. Именно здесь наблюдается то богатство идей, которое требует изучения и актуализации. Именно на этом пути обнаруживаются истины, вещающие об исторических задачах России, поставленных прошлыми поколениями и ждущих своего решения в настоящее время. Именно эта разновидность русской мысли теснее всего связана с российской государственностью, ее историей и современным состоянием. Именно эта философия права является ядром, душой российской государственности. Именно об этой философии права автор пишет: «Русская философия права — это, конечно, органическое целое, определяемое двумя факторами: национальным мировоззрением и русским языком. Во-первых, в русской философии права формулируются смысловые модели национального правосознания и самосознания, отражающие ценностные установки и основанные на них цели нашего народа, мировоззренческие основания русской государственности. При всем политическом, идеологическом и ценностном разнообразии русская философия права выражает

единый культурный код, объединяющий все пласты нашей культуры и государственности. Во-вторых, единство русской философии права определяется русским языком. Язык — часть духовной культуры народа, он фиксирует уровень сознания и самосознания нации, главные смыслообразующие проблемы ее исторического бытия. Язык философии права — это одновременно и ее форма, и ее содержание. Поскольку язык выражает существо обсуждаемой проблемы, философская мысль имеет онтологический статус, она часть бытия. Понятийный аппарат русской философии права складывался на протяжении столетий, отражая уровни и этапы становления отечественного правосознания. В XIX — первой половине XX века у нас появляется профессиональный язык философии права, способный адекватно отражать все идейное богатство мировой философии права и объединяющий представителей самых разных направлений. Единство языка в философии права указывает на единство российского народа, его культуры, правосознания и государственности» (с. 490).

Одна из целей монографии А. Н. Савенкова — показать непреходящую актуальность русской философии права для современной эпохи в деле государственного строительства и формирования национального сознания и правосознания. Речь идет в том числе о создании официальной государственной идеологии, отражающей ценностные императивы культуры и политического сознания русского народа, выработанных за тысячелетнюю историю России. Официальная государственная идеология — тема болезненная для современного российского общества. Государственная идеология у нас часто отождествляется с советским тоталитаризмом, массовыми репрессиями и отсутствием свободы слова. На самом деле устойчивая глубинная связь между государством и его идеологией — в природе вещей.

Идеология — многозначное понятие, но в главном и основном — это совокупность идей, выражающих интерес социальных институтов или общества в целом и нацеленных на достижение этого интереса. Термин «идеология» входит в политико-публицистический и философский оборот в первой половине XIX в. Так, в 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс издают совместную книгу «Немецкая идеология», где под идеологией понимается «ложное сознание», т.е. сознание, отражающее действительность в мифологизированном виде. Речь шла о религии и идеализме, чему основоположники марксизма противопоставили диалектический и исторический материализм. В окончательном виде термин наполняется классовым содержанием: идеология объявляется инструментом классового господства, она может быть феодальной, буржуазной или пролетарской. Государство и право

как элементы надстройки также относятся к сфере идеологии, и сама надстройка носит идеологический характер, поскольку она — лишь отражение в сознании производственных (материальных) отношений. Пролетарская идеология была противопоставлена идеологии буржуазной как наука — мифологии. Пролетарская идеология объявлялась научной на том основании, что она отвечала прогрессивной миссии рабочего класса и выражала историческую необходимость. Таким образом, идеология из «ложного сознания» трансформируется в «научную идеологию рабочего класса». Ленин и советская бюрократия взяли на вооружение и многократно усилили марксистское понимание идеологии, совместив в этом понятии научность и классовые интересы пролетариата.

Маркс был глубоко прав, отнеся государство и право к сфере сознания, т.е. к идеологическим явлениям. Государство в своей основе — это люди, обладающие сознанием, волей и распределенные по институтам. Люди организуются в социальные институты благодаря сознанию и представлению о нравственности. Поскольку сознание — этоместилище идей, ценностей и норм, государство с неизбежностью ими пронизано. Государство, осуществляя целеполагающую деятельность, реализует идеи, ценности и нормы, заложенные в сознании политического класса или общества в целом. Идеи, ценности и нормы вырастают из эмпирических условий жизни нации и выражают ее интересы. В этом смысле государственная идеология есть неотъемлемое свойство государственной власти, независимо от того, формулирует она ее или нет, придает ей официальный статус или нет. Государственная идеология — факт политической реальности. Любая государственная власть всегда исповедует какую-либо идеологию, порой даже не осознавая это.

Факт государственной идеологии выходит на первый план и становится мощным инструментом политики в первой трети XX в., когда в Европе, как грибы после дождя, возникают тоталитарные и авторитарные режимы. Важнейшая особенность классического тоталитаризма — опора на идеологию, выработанную господствующей партией. В этом смысле тоталитарный режим — это партийная диктатура. Размывание господствующей идеологии (основы тоталитарной власти) влечет за собой ослабление, а затем утрату партией власти (что, например, случилось в эпоху горбачевской перестройки). Евразийцы, замороженные мощью советской власти, сделали вывод об идеократической природе любого государства: государство — всегда идеократия, в основе государства всегда лежит какая-то объединяющая идея, в противном случае государство не возникает. Сказанное евразийцами об идеологии в целом верно,

но вместе с тем следует трезво оценивать ее возможности как политического инструмента. Пример тоталитарных режимов ввел в заблуждение как политических мыслителей, так и политических деятелей, внушив им ложную мысль о всеилии государственной идеологии. Строго говоря, государственная идеология может быть эффективной только в двух случаях: 1) если она поддерживается силой государственного принуждения (в условиях тоталитаризма — террором); 2) если она отвечает коренным интересам широких народных масс.

А.Н. Савенков справедливо указывает на идеологический вакуум, образовавшийся в России после падения советской власти. Этот вакуум был быстро заполнен ценностями, идеями и концепциями, не просто далекими, но враждебными русской культуре и русскому сознанию. Верно отмечается, что ни западноевропейская, ни англо-американская мысль не способна быть ориентиром нашему обществу, поскольку и сама государственность Запада, и ее политико-правовая мысль выродились и оказались в глубоком кризисе (с. 318). Вместе с тем автор с сожалением констатирует широкое распространение в нашей стране квазифилософских, модернистских представлений о существе государства и права, о судьбе России, ее государственности и культуре. По сути, убежден А.Н. Савенков, против нашего народа и его политического класса развязана идеологическая борьба с использованием современных, тонких, изощренных технологий, своеобразной социальной инженерии с целью изменения национального культурного кода. «Действительно, влияние современных технологий на формирование общественного сознания велико. Удивляет при этом, правда, то, что в соответствующих конструктах часто не замечается момент, так сказать, социальной инженерии, попыток под видом констатации сложности современного мира и борьбы с концептуальностью прежних традиционных ценностных моделей навязать некую новую парадигму мышления, социального моделирования. Создается эффект нагнетания страха от ускорения и усложнения современного мира. Все это зачастую служит не объяснению закономерностей социальной жизни и развития, а лишь для подготовки основ пересоздания или реформатирования традиционного общества и общечеловеческой культуры. По нашему глубокому убеждению, следует обратить внимание на фундаментальную проблему сознательного искажения глубокого и целостного знания, его релятивизацию, сопряженную с попытками перекраивания истории и мирового порядка» (с. 341).

Автор пишет: «Обсуждая будущее России языком немотивированных метафор, гротескных сравнений, человека в России будущего, место России будущего в мире, предлагаются такие модели, которые

с помощью логико-лингвистических и социально-психологических приемов изначально искажают представления о русской культуре и ее традиционных ценностях, о своеобразии русской философии права и государства, политико-правовой ментальности и ее нравственно-духовном содержании. Что предлагает современная общественно-политическая мысль в этой связи? Она оперирует под видом неких проектных игровых форм гротескными сравнениями, которые даже могут показаться привлекательными для, например, молодежи. Однако в действительности они девальвируют ценность государства, значение политической культуры. Так, в частности, предлагается обсуждать проблему социально-исторического развития России, государства и человека с помощью таких гротескных образов, как государство-роман, что подразумевает ракурс литературного произведения, как нечто готовое, завершенное, но в то же время в нем есть изменения, есть фабула, и этот роман пишется коллективно гражданами-писателями и работает по принципу чата в противоположность жестким, клишированным рифмам, цензуре. При этом делается ссылка на произведения русской классики без учета реального содержания и замыслов писателей и поэтов, например в связи с вольной интерпретацией произведений Гоголя, Пушкина, Лермонтова. Другим вариантом для обсуждения является образ государства — жар-птицы, что означает, по замыслу авторов таких гротескных приемов, использование государства как защиты от сглаза и непрошенных гостей, а также как предотвращение от грабежа со злым умыслом. Предлагается также символизировать концепции современного государства с помощью таких образов, как “Родина-Мать с лазерным мечом”, что должно обозначать запрос на социальное государство с современной технологической платформой. Это может быть государство дружественного сервиса, которое не подавляет и контролирует, а предоставляет услуги гражданам, то есть некое персонализированное государство, Россия как “страна-пророк”, которая после выполнения предназначения дает возможность перехода в лучший мир, потому что спасли его, либо Россия как мировой страж, “страж добра”, дивный град, предполагающий, по замыслу инициаторов, общность на определенных правилах и принципах вне зависимости от пола, расы, национальности, этноса и т.п., жители которого счастливы назло всем, либо государство-пирожок, который гармонично сочетает в себе разное: горькое, кислое и сладкое» (с. 339).

Указывается на манипуляцию понятием права, что, по убеждению А.Н. Савенкова, разрушает целостность знаний о государстве и праве: «Можно привести еще поучительный пример, связанный с использованием популярного понятия “мягкое право”. В нем ведь речь не о методах

регулирования, а о виде или типе права. Раз, мол, есть “мягкое право”, то по неумолимой логике должно появиться и “жесткое право”. Если предложить выбрать, то, очевидно, что большинство выберет более благозвучный вариант “мягкое”, а “жесткое” пусть остается на откуп тех, кто является сторонниками якобы недемократических приемов регулирования. Такая пустая двойственность рождает опасные деструктивные правовые идеологии. Если бы речь шла об убеждении как способе регулирования, то было бы понятно, что означает подобная конструкция. Однако же авторы — в основном американские юристы-международники — имеют в виду совершенно другое, а именно право, которое обязательно только, если они в одностороннем порядке захотят его соблюдать, а может быть и не захотят этого делать. Для российского юриста — это было бы правонарушение, неисполнение права, бездействие права, неправомерное поведение, а для американского — это все правомерно, просто само право такое — гибкое и податливое» (с. 339, 340).

Особенность современной квазифилософии права, утверждает А.Н. Савенков, состоит в ее намеренном плоском социологизме, субъективизме, релятивизме. Структурно-функциональный анализ, которым пользуется социология, имеет несомненные достоинства, но ограниченность такого подхода также очевидна. На недостатки социологизма указывали еще русские философы (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев), по мнению которых социологический подход должен быть дополнен метафизическим. Иными словами, за абстрактным функционализмом государства и права следует видеть цели и смыслы данного функционирования. Игнорирование метафизики лишает политико-правовую реальность ценностных оснований, а индивидуальное и общественное правосознание наполняется вакуумом, который можно заполнить любой идеологией. Социологизм рождает ценностное безразличие, что чревато сначала девальвацией, а затем и разрушением государственных институтов (с. 337).

Субъективизм и релятивизм, отмечает А.Н. Савенков, также весьма опасны. Провозглашая субъективизм принципом философии права, становится возможным конструирование концепций, не только далеких, но и враждебных базовым ценностям национального правосознания. Казалось бы, в таком «конструктивизме» проявляется игра интеллекта, творческое воображение, но на самом деле речь идет о забвении реальности, а с ней — исторической памяти народа. Субъективизм и релятивизм под маской «свободного философского поиска» фактически демонтируют разрушение ценностной и нормативной основы культуры и истории народа. На Западе такой

подход был намеренно использован для реабилитации фашизма, на место борьбы с фашизмом ставится русофобия. «В ряде государств усилились кампании по искажению истории, фальсификации роли СССР в обеспечении Победы над нацизмом и создании современной системы международных отношений. Нынешний этап отличается высоким уровнем исторического ревизионизма и реваншизма, полной подменой понятий, когда цинично, в угоду политической конъюнктуры, меняют местами развязавших войну агрессоров, авторов идеологий расовой чистоты с противостоявшим им государством. За борьбу с “русским миром” и советским мемориальным наследием националисты получают привилегии диктовать всему обществу понятие “правильного патриотизма”» (с. 43, 44). «Приверженность избранному пути вторжения не только в умы, но и в души человечества показательна и системно демонстрирует Европейский Союз. Так, 19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию о важности европейской памяти для будущего Европы (2019/2819 (RSP)), в которой подчеркнул, что “Вторая мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного также как Пакт Молотова–Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, разделявших цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния” (п. 2). Достоверно зная и не скрывая своей осведомленности в самом тексте названной резолюции о том, “что преступления нацистского режима были оценены и наказаны на Нюрнбергском процессе”, “несмотря на то”, европейский парламент, злонамеренно и неправоммерно настаивает, что “по-прежнему существует острая необходимость в повышении осведомленности, проведении моральных оценок и проведении юридических расследований преступлений сталинизма и других диктатур” (п. Е), ссылаясь (п. К) на юридически несостоятельное и неправовое постановление Съезда народных депутатов СССР “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года” от 24 декабря 1989 года № 979-1. Многие европейские страны сочли целесообразным позиционировать себя во Второй мировой войне не агрессором или пособником агрессора, а жертвой агрессии... Транснациональное прочтение истории сквозь призму так называемой европейской совести — область идеологического, а не исторического мышления. А резолюция о “европейском историческом сознании” — это руководство по транснациональной исторической памяти с целью создания идеального транснационального или наднационального

европейца... По нашему мнению, появление этой резолюции, в которой открыто говорится о “латентной конкуренции и частичной несовместимости” памяти Восточной и Западной Европы, дезинформации и “русском историческом ревизионизме”, о “защите демократической памяти”, является попыткой еврократов уничтожить национальную память, втиснуть историю в прокрустово ложе очередной идеологии и через образ врага, в данном случае России, ввести цензуру на свободу исторического взгляда» (с. 53–56).

Вот эта острейшая идеологическая борьба, этот образовавшийся в нашей стране ментальный вакуум есть те условия, которые, по убеждению А.Н. Савенкова, требуют обращения к национальной истории и культуре, к русской философии права. Такой духовный поворот, утверждает автор, уже начался, что наглядно демонстрируют принятые Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Указы Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». «Россия уверенно пытается создать (а точнее возродить) основы другого типа политико-правовой культуры. Она предпринимает практические шаги к тому, чтобы сформировать фундамент для поиска ответов на непреходящие философско-правовые и социально-практические вопросы существования человека и общества. За последние несколько лет в России сформировался уникальный опыт стратегического планирования в области правовой, этико-политической и нравственно-духовной идеологии. В то время как в ряде зарубежных стран наблюдается агрессивная практика отмены ценностного содержания общественной и индивидуальной жизни, в нашей стране закладываются фундаментальные основы такого типа политико-правового мышления, который прямо и открыто выражается в официальных государственных актах, носящих характер доктринальных документов. Иными словами, идеологическое содержание современного правового развития России дается открыто и общедоступно в виде качественно нового выражения представлений государства и общества о лучшем и справедливом устройстве социального порядка и осуществлении индивидуальных прав граждан» (с. 319). Русская философия права, убежден А.Н. Савенков, как нельзя лучше может служить фундаментом данной проводимой политики

по духовному оздоровлению нации и укреплению российской государственности.

* * *

В заключение выражаем уверенность, что новая монография А.Н. Савенкова станет заметным событием отечественной научной и общественно-политической жизни, даст новый импульс развитию не только юридической науки, но и другим отраслям обществоведения. Сочинение носит программный характер, требует системного и вдумчивого изучения, что обеспечит стойкий и массовый к нему интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978.
2. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
3. Мамут Л.С. Этанализм и анархизм как типы политического сознания (домарксистский период). М., 1989.
4. Нерсисянц В.С. Гегелевская философия права: история и современность. М., 1974.
5. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 26, 27, 34, 43, 44, 53–56, 270–272, 309, 318, 319, 337, 339–341, 490.
6. Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 51, 61.
7. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971.
8. Философские проблемы государства и права: сб. ст. / под ред. Д.А. Керимова и Л.С. Явича. Л., 1970.

REFERENCES

1. Zorkin V.D. Positivist theory of law in Russia. M., 1978 (in Russ.).
2. Kerimov D.A. Philosophical problems of law. M., 1972 (in Russ.).
3. Mamut L.S. Statism and anarchism as types of political consciousness (pre-Marxist period). M., 1989 (in Russ.).
4. Nersesyants V.S. The Hegelian Philosophy of Law: history and modernity. M., 1974 (in Russ.).
5. Savenkov A.N. Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. Pp. 26, 27, 34, 43, 44, 53–56, 270–272, 309, 318, 319, 337, 339–341, 490 (in Russ.).
6. Struve P.B. Patriotica. Politics, culture, religion, socialism. M., 1997. Pp. 51, 61 (in Russ.).
7. Tumanov V.A. Bourgeois legal ideology. To the criticism of the teachings of law. M., 1971 (in Russ.).
8. Philosophical problems of state and law: collection of articles / ed. by D.A. Kerimov and L.S. Yavich. L., 1970 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert